

ИЗ ИСТОРИИ НАРОДНОЛАТИНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

(Опыт установления относительной хронологии)

В латинском языке значительная часть отглагольных словообразовательных типов строится на базе третьей («супинной») основы глагола: имена деятеля на *-tor, -trix*, имена действия на *-tio, (-tiōnis), -tura, -tus (-tūs)*, интенсивные и фреквентативные глаголы на *-tō (-tāre)*, прилагательные на *-torius* и некоторые другие (например, от глагола *sēro, sēvi, sātum, serēre* «сеять» образуются производные *sātor* «сеятель», *sātrix* «сеятельница», *sātio* «посев», *satus, -ūs* «посев», от *jācio, jēcī, jactum, jācere* «бросать» — интенсивный глагол *jactō, jactāre* «швырять» и т. п.). К системе третьей основы принадлежит свыше половины всех высокопродуктивных отглагольных словообразовательных типов.

Эта модель словообразования строго соблюдается в письменных памятниках латинского языка на протяжении всей его истории. Между тем в романских языках с самого начала их письменной истории во всех отглагольных словообразовательных типах¹ слова производятся только от основы настоящего времени. Если в латинском языке от глагола *cognosco, cognovi, cognitum, cognoscere* «познавать, узнавать, вести следствие» образуется имя деятеля *cognitor* «узнающий, удостоверяющий тождество личности; адвокат» (от третьей основы *cognit-*; причастие прош. времени *cognitus, a, um*, супин *cognitum*), то в романских языках имя деятеля соответствующего типа содержит основу настоящего времени (восходящую к латинской первой основе глагола, основе инфлекта): например, ст.-франц. *conoissiere/conoisseour* от глагола *conoistre* «знать, быть знакомым» (1-е лицо мн. числа наст. времени *conoissons*, причастие прош. времени *coneu*), совр. франц. *connaisseur* от *connaître* (причастие прош. времени *connu*), ст.-прованс. *conoiseire/conoisedor* «знающий, знаток» от глагола *conoisier* (причастие прош. времени *conogut*), каталанск. *coneizedor* от глагола *conèixer* (причастие *conegut*), ст.-исп. *conoscedor* при глаголе *conoscer* (причастие *conoscido* с характерным гласным *-i-*), совр. исп. *conocedor* от глагола *conocer* (причастие *conocido*), португ. *conhecedor* при глаголе *conhecer* (причастие *conhecido*), итал. *conoscitore* при *conoscere* (причастие *conosciuto* с характерным для этой основы гласным *-u-*), рум. *conoscător* при глаголе, имеющем настоящее время (1-е лицо ед. числа) *conosc* и причастие прош. времени *conoscut* (с характерным *-u-*). В отношении типа на *-tio* ср., например, ст.-франц. *couvriſon* «то, чем укрываются, что одевают» от глагола *couvrir* «покрывать» (причастие прош. времени *covert*). Везде в романских языках производные на *-tor, -tio* и пр. образуются не от основы причастия прошедшего времени (единственная уцелевшая в романских языках грамматическая форма третьей основы), а от основы настоящего времени.

Когда произошла перестройка модели указанных словообразовательных типов в истории народной латыни? Имеющиеся непосредственные данные письменных памятников пока не дают возможности ответить на этот вопрос.

В языке поздних латинских авторов (III—IX вв.) латинская модель соблюдается очень строго. Однако язык этих авторов далек от народнолатинской речи и, хотя и испытывает влияние народной латыни, все же представляет книжную традицию. Поэтому отсутствие отклонений от латинской модели у авторов этого периода еще не говорит об отсутствии романской модели в народной латыни того времени.

Из памятников, непосредственно отражающих народную латынь, только помпейские надписи (конец I в. н. э.) содержат достаточно большой лексический материал, чтобы по отсутствию романской модели в этом материале можно было судить об отсутствии этой модели в народной латыни той эпохи. В помпейских надписях² указанные

¹ За исключением типов, восходящих к субстантивированным причастиям прошедшего времени: имена действия (из субстантивации причастия в форме женского рода или множественного числа среднего рода) ст.-франц. *veue* «зрение, вид», франц. *vue*, итал. *veduta*, исп., португ. *vista*; ср. также тип из субстантивированных причастий в мужском роде, возможно, совпавших с производными на *-tus*, представленный румынским «субстантивированным супинном», например, *cules* «уборка урожая».

² «Corpus inscriptionum latinarum» (в дальнейшем в тексте обозначается сокращением CIL). Помпейским надписям посвящен том IV, публиковавшийся по частям: *Volumen quartum*, ed. C. Zangemeister, Berolini, 1871; *Voluminis quarti suppl.*, Berolini:

словообразовательные типы образуют производные в полном соответствии с латинской моделью: *manuductor* «водящий за руку» (CIL IV, 3905), *offector* «красильщик» (CIL IV, 864), *fututor* (CIL IV, 2242, 2145, 4815) — имя деятеля от глагола *futuo, ui, ütum, uère* «совокупляться», *perfututor* (CIL IV, 4239) с тем же значением. Из помпейских материалов можно заключить, что в I веке н. э. романская модель словообразования еще отсутствовала, по крайней мере в Помпеях.

Надписи более позднего времени также не содержат достоверных отклонений от латинской модели. Однако большая часть этих надписей (в особенности христианские) в связи с их содержанием (надгробные, посвятельные и т. п.) в значительной степени ориентируются на книжную традицию (по крайней мере в отношении словообразования), так как авторы стремились сублимировать свой язык до уровня книжной речи. Характерна надпись из Варцеллы (CIL V, 6785): *de[ic]us ecclesiae, optimae loquax, et altor voluntate sincerus* (приблизительный перевод: «Укращение церкви, велевещливый муж, чистосердечный благодетель»). По материалам надписей, таким образом, пока не удастся датировать перестройку словообразовательной модели¹.

Другие источники наших сведений о народной латыни (Appendix Probi, Peregrinatio ad loca sancta и т. д.) также не содержат отклонений от указанной словообразовательной модели, однако благодаря небольшому количеству содержащейся в них латинской лексики они не могут быть использованы для датировки.

Эта старая модель строго выдерживается и в тех словах, о существовании которых в народной латыни можно судить на основании сравнения романских языков. Данные романских языков используются как для восстановления не засвидетельствованных в письменности слов, так и для установления употребительности в народной речи некоторых известных по письменным памятникам слов. В. Мейер-Любке в своем «Романском этимологическом словаре»² восстанавливает следующие производные на *-tor* (как засвидетельствованные в письменности, так и не засвидетельствованные): **consütör* «портной», сохранившееся в лукск. *costore* (REW, 2178a) — ср. глагол *consuo, sui, süium, süere* «шить»; **implëtor* (REW, 4311), что означало, видимо, «воронка» (сан-фрателлск. *añciraaur* «воронка для производства колбасы», сориянск. *nçeturä* «воронка», сицилийск. *inkituri* «ведро»); **juncitor*, сохранившееся в нижненемецком (С.-З. Франция) *züëtr* «столяр» (REW, 4617); *pastor* «пастух» (REW, 6279); *pictor* «художник» (REW, 6481b); *ruptor*, видимо, в значении «прокладывающий путь во время снежного обвала в горах» сохранилось в трех романских диалектах в Альпах: энгадинск. *ruöter*, бормийск. (С.-В. Ломбардия) *röter*, пушлавск. (Граубюнден) *rötar* (REW, 7454); *pistor* «пекарь» (REW, 6539); *sartor* «портной» (REW, 7614); *sector* «жнец» (REW, 7768); *strictor*, сохранившееся в монферр. *starçu* в виде двух омонимов: «палка для прессовки сена» и «сборитель фруктов» (REW, 8303); *sütör* «портной» (REW, 8493). К этому перечню можно было бы добавить еще несколько имен деятеля, восстанавливаемых на основании романских материалов: *textor* «ткач», сохранилось в ст.-итал. *testore*; в латыни *textor* засвидетельствовано впервые у Плавта, затем у многих авторов, в том числе таких близких к народной речи, как Марциал³; *pincitor* «художник»⁴, сохранилось в ст.-франц. *peintre/peintor* «художник», совр. франц. *peintre*, ст.-прованс. *pinitor*, катал. *pinitor*, исп. *pinitor*, португ. *pincitor* «художник»; видимо, глагол *pingo* с классической третьей основой *pict-* обладал в народной латыни третьей основой *pinct-* (ср. также причастие **pinctus*, производное имя существительное **pinctura* «картина», интенсивный глагол **pinctare* «рисовать», сохранившиеся в романских языках);

pars I (Tabulae ceratae), ed. C. Zangemeister, 1898; *pars II* (Inscriptiones parietariae et vasorum fictilium), ed. A. Mau, 1909; *pars III* (Inscriptiones Pompeianae parietariae et vasorum fictilium), ed. M. Della Corte; Lfg. 1 — 1952; Lfg. 2 — 1955. Арабские цифры обозначают порядковый номер надписи.

¹ Все же тщательное отделение собственно народных элементов в надписях от книжных слов и гиперурбанизмов, может быть, даст возможность собрать достаточно обширный лексический материал, чтобы по отсутствию отклонений от латинской модели в этом материале можно было бы установить *terminus a quo* перестройки словообразовательной модели. Например, если удастся собрать достаточно большое количество народнолатинских слов рассматриваемых типов II—III вв., то строгое соблюдение латинской модели позволит заключить, что во II—III вв. перестройка модели еще не имела места.

² W. Meyer-Lübke, *Romanisches etymologisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1935 (в дальнейшем сокращается REW). В перечень не включены слова на *-ator* и *-itor*, соотносимые с глаголами на *-äre, -ätum* и *-ire, -itum*, не представляющие в данном случае интереса вследствие материального совпадения латинской и романской модели. Слова, могущие быть книжными заимствованиями, также не включены.

³ См.: «Vocabolario universale della lingua italiana. Ed. eseguita su quella del Tramater di Napoli», vol. VIII, Mantova, 1856, слово *testore*; Ae. Forcellini, *Totius latinitatis lexicon*, vol. VI, Prati, 1875, слово *textor*.

⁴ Засвидетельствовано в CILV, 6455 (Ticinum, христианская эпоха) и др.

conductor «арендатор» (сицилийск. *kunnutturi* с тем же значением); *messor* «жнец» (ст.-прованс. *mesor*); **mōrtor* «убийца», сохраняется в нуорск. (Сардиния) *mortōre*; это слово содержит народнолатинскую третью основу *mōri-* (причастие в надписи *morta est «умерла»*¹, производное существительное **mortorium* «место убийства», сохранившееся в логудорск. *mortōrdzu*, кампианск. *martōžu*); **alluctor* — название какого-то средства освещения («свеча?»), сохранилось в фоннском (Сардиния) *alluttōre* «свеча»².

Все эти производные слова полностью соответствуют латинской модели образования существительных на *-tor* от третьей основы глагола. Аналогичная картина наблюдается и в других словообразовательных типах, связанных с третьей основой.

Тип на *-tio, -tiōnis: factio, -onis* «способ» (ст.-итал. *fazzone*, франц. *façon*, ст.-прованс. *fasō* «способ» — REW, 3133); *pastio, -onis* «пастбище» (рум. *pășune*, итал. *pasciona*, ст.-энгадинск. *paschun*, фриульск. *pason*, франц. *paisson* и т. д. — REW, 6278).

Тип названий орудий на *-torium: factorium* «пресс для отжимания масла» (REW, 3134), *fossorium* «кирка» (REW, 3462), **tortorium* «распорка» (итал. *tortolo, tortore*, франц. *tortoir*, ст.-прованс. *tortor* и пр. — REW, 8807) и т. д.

Тип имен прилагательных на *-torius, -a, -um: fissorius* «служащий для раскалывания» (REW, 3328), **coctorius* «служащий для варки» (REW, 2019) и т. д.

Тип на *-tura: fractura* «перелом, поломка» (REW, 3468a), *pastura* «пастбище» (REW, 6282), **pinctura* в значении «картина» и, возможно, в значении имени действия от *pingo* «рисую» (восстанавливается на основании франц. *peinture*, ст.-прованс. *penchura*, катал. *pintura*, исп. *pintura*, португ. *pintura*) и т. п.

В народнолатинских словах, восстанавливаемых по данным романских языков, не удается обнаружить никаких отклонений от латинской модели. Единственный сомнительный случай — **vēhītōria* «плата за проезд», восстанавливаемое по монферринскому (Пьемонт) *aveira*; однако и этот пример В. Мейер-Любке не считает достоверным (REW, 9176a).

Когда же создается романская словообразовательная модель (производные на *-tor, -tio* и т. п. от первой основы — основы настоящего времени)? Чтобы датировать время перестройки латинского отглагольного словообразования, можно попытаться обратиться к методу относительной хронологии.

При этом мы можем опереться на следующее обстоятельство. Как известно, основа причастия прошедшего времени (третья основа) в истории народной латыни сама претерпела серьезные изменения. В частности, в глаголах III (и II) латинского спряжения широкое распространение получил тип причастий на *-ut-*. На основе обобщения соотношения *batio*³ (<*battuo*) «бью» — *battūtum, *coso* (<*consuo*) «пью» — *co(n)sūtum, *futo* (<*futuo*) — *fulutum* и т. п. и под влиянием типа *ui-*перфектов (все более распространенных в народной латыни) причастия на *-ut-* охватывают значительную часть глаголов III и II спряжений. Об этом можно судить из сопоставления ст.-франц. *perdu* (франц. *perdu*), ст.-прованс. *perdul*, ст.-исп. *perduto*, итал. *perduto*, рум. *pierdut*; франц. *tenu*, ст.-прованс. *tengut*, ст.-катал. *tengut*, ст.-исп. *tenudo*, ст.-португ. *teudo*, итал. *tenuto*, рум. *ținut* (причастия от *perdo* «терять», *teneo* «держатъ», в испанском и португальском «иметь»).

Распространение *ut-*причастия легче локализовать во времени, поэтому представляет интерес установление относительной хронологии развития словообразовательных типов на *-tor, -tio* и пр. по отношению к развитию *ut-*причастий. Если перестройка модели словообразовательных типов на *-tor, -tio* и др. осуществилась позже распространения причастий на *-ut-*, то среди образований на *-tor, -tio* и т. п. должны быть обнаружены производные на *-utor, -utio* и т. д. [разумеется, помимо производных от глаголов *solvo* (*solūtum*), *minuo* (*minūtum*) и т. д., имевших в классическом языке причастия, содержащие *-ut-*]. Если таких производных обнаружено не будет, видимо, распространение причастий на *-ut-* имело место после перестройки модели отглагольного словообразования. В этом отношении данные западнороманских и балканороманских языков не одинаковы.

В западнороманских языках (галлороманские, иберороманские, итальянский) не удается обнаружить ни одного производного слова на *-tio, -tor* и т. п., образованного от третьей основы на *-ut-* (разумеется, кроме тех, которые уже в классической латыни содержат третью основу на *-ut-*). Подобных производных не удается найти также в памятниках средневековой латыни (словарь Дю-Канжа⁴, по крайней мере, не дает таких

¹ Согласно словарю Форчеллини, надпись впервые опубликована в «Giornale romano», 1864, № 97 (см. Ae. Forcellini, указ. соч., vol. IV, 1868, слово *mortus*).

² Приведенные народнолатинские производные не могут быть объяснены как романские образования, поскольку в романских языках словообразовательная модель имен деятеля на *-tor* от третьей основы уже не является продуктивной.

³ Формы *batto, battere* и пр. засвидетельствованы со II в. н. э. (Фронтон), затем у Хирона, Фульгенция, в Салической и Лангобардской правдах и пр.

⁴ C. du Fresne, *dominus Du Cange, Glossarium mediae et infimae latinitatis*, Niort: tt. I, II — 1883; t. III — 1884; tt. IV, V — 1885; tt. VI, VII — 1886; tt. VIII, IX, X — 1887.

слов). Это позволяет предполагать, что в западной части романской языковой области перестройка словообразовательной модели отглагольных типов на *-tor*, *-tio*, *-tura*, *-torius* имела место до распространения *ut*-причастий на значительное число глаголов.

К какому же времени относится распространение причастий на *-ut*? Имеются некоторые свидетельства письменных памятников. Форма *pendutus* встречается в «Риццарской правде» (tit. 79) в значении «повешенный». Эта часть «Риццарской правды» составлена в правление Дагоберга: 629—639 гг. Причастие *reddutus* от *reddo* «отдаю, возвращаю» встречается в документе из Италии, датированном 796 годом¹. Причастие *sternutus* «вымощенный» от *sterno* «стелю, мошу» (вместо классического *stratus*) обнаружено в стихотворном описании Вероны, которое приводит Жан Мабильон²: *Foro lato spaciozo sternuto lapidibus* «...широкой просторной площадью, вымощенной камнями», *Plateae mirae sternutae de sectis lapidibus* «удивительные улицы, вымощенные высеенными камнями». В этом стихотворении есть указание на дату его создания: *Magnus habitat in [t e] rex Pippinus piissimus* «в тебе [обращение к городу Вероне] живет великий благочестивейший король Пипин». Следовательно, стихотворение написано в годы правления итальянского короля Пипина (сына Карла Великого), т. е. между 781 и 810 годами. Таким образом, распространение причастия на *-ut* засвидетельствовано с VII—VIII веков.

О времени распространения причастий на *-ut* можно судить, используя следующее обстоятельство. Причастия на *-ut* в качестве стандартного типа причастий глаголов III и II спряжений³ встречаются как в западнороманских языках, так и в румынском. Из этого, по-видимому, следует, что распространение причастий на *-ut* произошло (или, по крайней мере, началось и стало господствующей тенденцией) до того, как прервались связи Мезии и Дакии с западнороманскими областями. Действительно, независимое параллельное создание типа *ut*-причастий в III и II спряжениях мало вероятно (если иметь в виду крайнюю малочисленность латинских глаголов на *-uo* и *-vo*, причастия которых и прежде содержали *-ut*). Нельзя не обратить внимание и на тот, отмеченный еще Г. Грёбером, факт, что причастия на *-ut* в романских языках встречаются чаще всего в одних и тех же глаголах⁴.

Мезия и Дакия прервали языковые связи с западнороманскими областями в V—VI вв. в результате разделения Римской империи (398 г.) и завоевания Балканского полуострова славянами (V—VI вв.).

Это как будто бы позволяет заключить, что распространение причастий на *-ut* датируется временем не позже V—VI вв. Однако к данному вопросу надо подойти осторожно, так как приходится учитывать постепенность лингвистических изменений, возможность параллельного завершения процесса, начатого еще до разрыва лингвистических связей. Нельзя также считать совершенно неправдоподобной возможность параллельного процесса в родственных языках на основе предположения, сложившихся еще до разделения (такой предположкой могло быть, например, создание особо тесных связей между третьей глагольной основой и второй — перфектной, откуда влияние *ui*-перфектов на причастия). В связи с этим датировка V—VI вв. пока является условной. Тем не менее некоторая точка опоры все же имеется.

Перестройку словообразовательной модели типов на *-tor*, *-tio* и пр. мы можем локализовать во времени относительно даты распространения причастий на *-ut*. В западнороманских языках перестройка словообразовательной модели произошла раньше распространения причастий на *-ut*.

В балканороманских языках⁵ положение иное. Среди образований на *-toriu*, *-toria*, *-tor⁶*, *-tura*, *-ticius* обнаруживаются следы того периода, когда третья основа на *-ut* участвовала в образовании этих производных. Ср. рум. *băutor* «пьющий», *băutură* «питье» от глагола *a bea* «пить» (страдательное причастие *băut*; ср. итал. *bevuto*, ст.-франц. *beū* и пр.), *știutor* «знаток» от *a ști* «знать» (причастие *știut*), *lăutură*

¹ См. F. Diez, *Grammatik der romanischen Sprachen*, T. I, Bonn, 1836, стр. 115.

² J. Mabillon, *Vetera analecta...*, Parisiis, 1723, стр. 405—406 (*Veronae rythmica descriptio antiqua*).

³ Нумерация спряжений дается по традиции латинской грамматики: III спряжение — на *-ēre*, II — на *-ēre*.

⁴ G. Gröber, *Vulgärlateinische Substrate romanischer Wörter*, «Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik», hrsg. von E. Wölfflin, Jg. I, Leipzig, 1884, стр. 227.

⁵ Термин «балканороманские языки» мы применяем в отношении романских языков Балканского полуострова, за исключением далматинского. Вопрос об отглагольном словообразовании в далматинском яз. неясен (в связи с недостатком материалов).

⁶ Словообразовательный тип на *-tor* в балканороманских языках участвовал в сложном взаимодействии с типом имен деятелей женского пола на *-tor-ia* и с типом прилагательных на *-torius*, *-toria*. В материальном отношении румынский *-tor* (старорумынский *-toriu*) восходит к лат. *-toriu(m)*. См. A. Graur, *Nom d'agent et adjectif en roumain*, Paris, 1929.

«мытье головы» от *a la* «мыть» (*lăut* «вымытый»), ст.-рум. (XVI—XVIII вв.) *lăutoriu* «таз», *știutură* «знание», истрорум. *beutic* «питье», мегленорум. *bîiutură* «питье» и пр.¹. Такого рода производные — остаточное явление, непродуктивное в современных балканороманских языках. Существование их показывает, что в народной латыни Балканского полуострова перестройка модели словообразовательных типов на *-tor*, *-tura* и т. д. произошла (или закончилась) позже распространения третьих глагольных основ на *-ut*.

На основании этих данных можно предложить такую относительную хронологию перестройки словообразовательной модели типов на *-tor*, *-torius*, *-tio*, *-tura* и пр.: в народной латыни Запада — до распространения причастий на *-ut*, в языке Мезии и Дакки перестройка модели завершилась позже распространения третьих основ на *-ut*. Выше были приведены доводы в пользу предположения, что распространение *ut*-причастий началось не позже V—VI вв.

А. Б. Долгопольский

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Ведийское *ari-*, осетинское *æcægælon*

Древнейший памятник арийской (индо-иранской) литературы Риг-Веда более полутора столетия находится в поле зрения европейской филологии и служит предметом напряженного и неутомимого исследования. Но и по сей день исследователи Риг-Веды сталкиваются с серьезными трудностями. Вышедший в 1923 г. перевод Риг-Веды К. Гельднера (K. Geldner) был оценен как «самая зрелая и совершенная интерпретация, какую можно себе представить» («...die reifste und vollkommenste Interpretation des gesamten Rigveda, die sich denken lässt...»)². Сам К. Гельднер в послесловии к переводу называет его весьма скромно «всего лишь новым опытом истолкования» («nur ein erneuter Erklärungsversuch»). Действительно, в отношении Риг-Веды (как и в отношении Гат Зороастра) пока можно говорить не о переводе, а только об опытах истолкования.

Для того чтобы говорить о переводе, необходимо, прежде всего, установить с возможной точностью значение всех слов или во всяком случае более употребительных и существенных для понимания текстов. Между тем, этого-то пока и нет. Даже в отношении таких фундаментальных понятий как *brāhman-*, *ṛtā-*, нет единодушия в ведийской экзегезе. Значения многих других слов получают в разных переводах и в разных словарях весьма различные, плохо между собой согласующиеся определения. Больше того, один и тот же переводчик или лексиколог приписывает одному и тому же слову в разных контекстах столь различные, нередко исключаящие друг друга значения, что возникает сомнение в правильности понимания соответствующих текстов. Значение, которое представляется весьма подходящим для одного места, совершенно бессмысленно в другом месте, и для того, чтобы добиться подобия смысла, приходится подставлять уже другое, весьма отдаленное от первого значение. В результате возникает мнимая «полисемия» (точнее — «аллосемия»), которая очень часто указывает не на действительную разнозначность ведийских слов, а на несовершенство методов интерпретации.

Значения слов каждого языка в каждую эпоху его жизни неразрывно связаны с реалиями, т. е. с жизнью и бытом народа, его социальными институтами, его материальной и духовной культурой. Поэтому одним из важнейших путей преодоления тех трудностей, которые стоят перед ведийской (и не только ведийской) экзегезой, является пристальное внимание к тем условиям исторической действительности, быта, нравов, воззрений, в которых жил арийский народ, создавший гимны Риг-Веды.

Примером исследования, где чисто филологический анализ, подкрепленный учетом исторической действительности, позволил выйти из тупика в интерпретации пе-

¹ См.: O. Densusianu, Histoire de la langue roumaine, t. II, Paris, 1938 (обл.: 1914), стр. 335, 413; S. Puscariu, Studii istroromâne., III, Bucuresti 1929; Th. Capidan, Meglenoromîni, III — Dicționar meglenoromîn, București [1935].

² «Orientalistische Literaturzeitung», Jg. 27, № 8, 1924, стб. 483.